

А. И. БОРОЗНЯК

«Я ХОЧУ ЗНАТЬ ВСЮ ПРАВДУ»
ДИСКУССИИ В ФРГ ВОКРУГ ВЫСТАВКИ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА»*

Задача статьи – рассмотрение важнейшего этапа (Мюнхен, 15 февраля – 6 апреля 1997 г.) в истории выставки о преступлениях вермахта, сыгравшей значительную роль в эволюции исторической памяти современной Германии. Используются материалы баварской и общегерманской прессы, материалы городского собрания депутатов Мюнхена, записи в книгах отзывов.

Ключевые слова: вермахт, военные преступления, общественное сознание ФРГ.

С марта 1995 до ноября 1999 г. в тридцати двух городах Федеративной Республики Германии действовала передвижная документальная экспозиция о преступлениях вермахта, подготовленная Гамбургским институтом социальных исследований. Идеология и пропаганда экспозиции неразрывно связана с деятельностью директора института профессора Яна Филиппа Реемтсмы, получившего миллионное наследство, – человека независимых суждений. Институт был основан в 1984 г. как частный научный центр. Он располагает первоклассной библиотекой, архивом, издательством, выпускает собственный журнал, серии книг и брошюр. Задача Института состоит в исследовании феномена современной цивилизации методами синтеза современных наук: социологии, политологии, истории, культурологии. Душой выставки, ее непосредственным организатором был публицист Ханнес Геер, сторонник левых убеждений, активный участник студенческих выступлений 1968 г.

Для историков и общественного мнения обращение к криминальной роли вермахта играет особую роль. Парадоксальный аспект ожесточенных дебатов вокруг выставки состоит в следующем: базовые факты, которые легли в основу экспозиции, были известны и опубликованы в трудах немецких историков, но нежелательные реалии просто не воспринимались общественным мнением. Очевидно, дело было не в уровне исторических изысканий, но в уровне исторического сознания германского общества, в неготовности общественного мнения ФРГ воспринять полную правду о роли вооруженных сил в фашистских преступлениях.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09–01–00138а.

Для реализации проекта был сформирован международный коллектив ученых – 29 авторов из 6 стран (ФРГ, Великобритании, США, Израиля, Австрии, Латвии; увы, для участия в проекте не были привлечены российские историки). Исследователи опирались на принципиально новую источниковую базу: документы были извлечены из фондов государственного военного архива ФРГ во Фрайбурге, часть материалов обнаружена Х. Геером и его коллегами в архивах Москвы, Подольска, Минска, Риги и других городов бывшего СССР. Без новых отношений между Германией и Россией, без перехода наших архивохранилищ (хотя бы частично) к режиму открытости был бы невозможен нынешний высокий уровень исследований немецких ученых об агрессии «третьего рейха» против СССР. Сотрудниками института были найдены новые ракурсы в освещении нацистского оккупационного режима на советской территории. Они использовали кинематографический прием, выхватывая из кровавой истории «нового порядка» отдельные «кадры»: варварские деяния 6-й германской армии на ее пути от западной границы Украины до Сталинграда; охота за людьми с целью их угона в Германию; так называемые «антипартизанские акции» в Белоруссии.

Прежние разоблачения, касавшиеся преступной роли промышленников, финансистов, дипломатов, юристов и других представителей немецкой элиты в 1933–1945 гг., относились к ограниченному числу лиц и профессиональных групп. Должно было пройти полвека, чтобы германское общество начало воспринимать обвинения, относящиеся к военнослужащим вермахта. Через ряды нацистских вооруженных сил прошли 18–19 миллионов немцев, и вопрос об их соучастии в преступлениях затрагивал практически каждую семью. Речь шла о преступлениях отцов и дедов большинства граждан ФРГ. На страницах немецких газет и журналов шла непрерывная дискуссия о гитлеровском тоталитарном режиме и его злодеяниях. Дебаты о «войне на Востоке», оказавшись в эпицентре напряженных поисков новой национальной идентичности, стали фактом германской историографии и немецкого исторического сознания.

Организаторы выставки «Война на уничтожение» шли на риск, понимая, что их проект «вскрывает старые раны и старые могилы». Они хорошо знали, что «при обсуждении темы “вермахт и преступления” немедленно вспыхнет пламя спора»¹. Исследователи предполагали, что результаты их работы станут предметом жестких дискуссий и в историческом цехе, и в обществе, поскольку правда о преступных деяниях вермахта в оккупированных районах СССР прямо связана с категориями национальной ответственности и национальной вины.

¹ Badische Zeitung. 11.III.1997.

...В центре выставочного зала – крупный макет Железного креста – военного ордена, ставшего традиционным символом прусской, а затем и германской армии. На четырех оконечностях креста фотографии и документы. Заметные уже от входа надписи: «Преступления как повседневность», «Преступные приказы верховного командования», «Преступные приказы армейских и дивизионных командиров», «Язык насилия». И фотографии, сотни неотретушированных любительских снимков, сделанных немецкими солдатами или офицерами «на память». Сюжеты одни и те же: телеги с останками советских пленных, рвы с телами расстрелянных, горящие русские деревни, массовые казни на городских площадях, эшафоты, окруженные солдатами – и напуганными, и ухмыляющимися, палачи и их добровольные помощники, самодовольно позирующие на фоне трупов...

Проект Института социальных исследований смог, отметил Норберт Фрай, «сдвинуть с места процесс рефлексии, касающейся легенды о чистом вермахте», что «вплоть до настоящего времени не удавалось сделать научным исследованиям». Для этого потребовались «известные формы драматизации, если хотите, и некоторого огрубления материала». Вновь, подчеркнул ученый, «импульсы для широких публичных дискуссий, как правило, исходили не от исторической науки»².

Общее число посетителей выставки составило около 860 тысяч. Но в поле ее воздействия оказалось втянуто значительно больше граждан ФРГ: необходимо учесть многочисленные лекции, телепередачи, встречи с политическими деятелями и учеными, дебаты в бундестаге и региональных парламентах, в местных собраниях депутатов. Издано более двух десятков книг, посвященных дискуссиям вокруг экспозиции³.

Задача данной статьи – рассмотрение важнейшего этапа в истории выставки о преступлениях вермахта: ее пребывания в Мюнхене с 15 февраля по 6 апреля 1997 г. Но почему именно в Мюнхене? Потому, что показ выставки в баварской столице стал кульминацией, переломным моментом в общественной дискуссии о преступлениях вермахта. Потому, что дебаты приняли ярко выраженный политический характер. Потому, что интерес к экспозиции необычайно возрос. До Мюнхена выставка в течение 23-х месяцев демонстрировалась в 16-ти городах, ее посетили 130 тысяч человек, в том числе в Гамбурге – 7 тысяч, в Штутгарте – 10 тысяч. В течение шести недель в выставочных залах мюнхен-

² Die Zeit. 22.01.2004.

³ Die Wehrmachtausstellung...; Krieg ist ein Gesellschaftszustand...; Die Ausstellung und ihre Folgen...; Die Wehrmacht...; Der Vernichtungskrieg im Osten...; Der Krieg in der Nachkriegszeit...; Zeitgeschichte als Streitgeschichte...; Verbrechen der Wehrmacht...

ской Новой ратуши побывало около 90 тысяч человек. В ежедневной и еженедельной прессе ФРГ об указанной экспозиции было опубликовано 985 статей. Для сравнения: о пребывании выставки в Гамбурге и Эрфурте число печатных откликов составило, соответственно, 98 и 39⁴.

До Мюнхена, отмечал Михаэль Йейсман, выставка вызывала протесты, но «она не была национальной темой»⁵. Стало очевидным то, о чем писал Ганс-Ульрих Тамер: «Выставка вошла в пространство, где недостает аргументации академического характера, где история выступает в качестве политического аргумента, где критика является преимущественно инструментом политики»⁶.

Нами изучены официальные документы городского собрания депутатов Мюнхена; обширная коллекция откликов прессы, отражающих подготовку и проведение экспозиции; записи в книгах отзывов выставки, сохраненные сотрудниками управления культуры баварской столицы. Мюнхенский период экспозиции «Преступления вермахта» стал основой документального фильма «Неизвестный солдат», выпущенного на экран в 2006 г. выдающимся немецким режиссером Михаэлем Верховеном⁷. Автор фильма демонстрирует некоторые шокирующие публику фрагменты документальной выставки, фокусируя внимание зрителей на высказываниях ветеранов вермахта и обычных немецких граждан. Режиссер предоставляет слово выдающимся немецким ученым и публицистам Гансу Моммзену, Вольфгангу Випперману, Ральфу Джордано, Яну Филиппу Реemtсме, Ханнесу Гееру, Ульрике Юрайт. В документальный фильм также были включены драматические эпизоды демонстраций протеста против выставки. Выбирая название для фильма, Верховен использовал игру слов. Для большинства народов мира словосочетание «неизвестный солдат» вызывает ассоциации с патриотическим подвигом, но в случае с немцами такое название указывает на те неизвестные преступления, которые были совершены солдатами вермахта. Не меньшее значение имеет подзаголовок фильма: «Чем ты занимался во время войны?». Это – вопрос, обращенный к участникам военных действий от имени молодого и среднего поколений и являющийся призывом к осознанию общенациональной ответственности.

⁴ Grittmann, Pater. 2000. S. 343.

⁵ Jeismann. 2003. S. 232.

⁶ Thamer. 2003. S. 171.

⁷ Der unbekannte Soldat...

* * *

Каждый, кто хоть раз посетил Мюнхен, непременно побывал на площади Мариенплац, где расположена построенная в XV в. готическая Старая ратуша. Рядом – Новая ратуша, возведенная в конце XIX–начале XX века. На башне часы, бой которых ежедневно привлекает тысячи туристов. Под циферблатом – фигуры, напоминающие о жертвах средневековой эпидемии черной оспы в Мюнхене. Здесь 25 февраля 1997 г. начала работу выставка «Преступления вермахта». Но этому предшествовали немаловажные события.

11 декабря 1996 г. было создано пленарное заседание городского собрания депутатов, на котором решался вопрос о приглашении выставки в Мюнхен⁸. Прения начались с того, что представители ультраправых («республиканцы» и «союз свободных граждан») решительно выступили против экспозиции. Выставка была названа «антиисторичной», основанной на «советском пропагандистском материале», огульно обвиняющей всех военнослужащих в военных преступлениях и представляющей прямую опасность для расквартированных в Баварии частей бундесвера. На вооружение были взяты слова канцлера Конрада Аденауэра (апрель 1951 г.), проникнутые духом холодной войны и стремлением к скорейшей ремилитаризации Западной Германии: «Число тех, кто действительно виновен, настолько невелико, что это не может нанести ущерба бывшему германскому вермахту»⁹. Надо-де говорить не о преступлениях нацистской армии, но о «величии и трагедии вермахта», а организаторов выставки привлечь к суду. Представитель Христианско-социального союза Ганс Подиук фактически полностью присоединился к аргументации ультраправых: «Цель выставки состоит в том, чтобы представить каждого солдата как уголовного и убийцу». Немалое место в речи Подиука заняли личные нападки на Реемтсму и Геера.

По убеждению социал-демократа Дитмара Кеезе, немецкие солдаты «на фронтах Второй мировой войны не защищали родину и семью, но поддерживали преступления нацистских властителей». Поэтому необходимо постоянно настаивать на этой мысли, чтобы «как можно больше простых людей, не только историков, извлекли бы уроки из непреложных исторических истин». Сабина Шампай (Партия зеленых) напомнила депутатам, что «на основании приказов вермахта на Востоке было уничтожено 1,5 миллиона евреев, 5 миллионов мирных жителей и

⁸ Стенографический отчет о заседании городского собрания депутатов см.: *Vilanz einer Ausstellung...* S. 5–100.

⁹ Frei. 1996. S. 77.

3 миллиона советских военнопленных». Противники выставки стремятся «навести глянец на вермахт», ведут «пропаганду милитаризма» и наносят прямой ущерб имиджу города Мюнхена. Гейдрун Каспар, представлявшая в городском парламенте партию свободных демократов, сожалела о том, «в сколь небольшой степени немцы извлекли уроки из прошлого». Поэтому экспозиция призвана «расширить представления об истории». Каспар выразила уверенность, что мюнхенские школьники будут активно посещать выставку.

Не найдя поддержки в городском парламенте, фракция ХСС вместе с ультраправыми ближе к полночи покинула зал ратуши. Впрочем, среди депутатов от ХСС нашелся все же политик, несогласный с позицией партийного руководства, – Франц Форхгеймер. Он так обосновал свою позицию: «Это была война на уничтожение, прежде всего на территории Советского Союза. Было бы неверно не видеть и не слышать то, что является правдой»¹⁰.

Решение городского собрания депутатов, принятое голосами фракций СДПГ, СвДП и Партии зеленых, гласило: «Выставка “Преступления вермахта”, которая была представлена во многих городах, вносит ясность в самую мрачную главу военной истории. Общественность Мюнхена должна получить возможность получить соответствующую информацию и составить о ней собственное мнение». Таким образом, экспозиция получила официальный статус. Местом ее проведения была утверждена Новая ратуша, а местом торжественного открытия выставки – auditorium maximum Мюнхенского университета имени Людвига и Максимилиана. «Süddeutsche Zeitung» возлагала на выставку большие надежды: «Речь идет о вине и отторжении вины, о героическом мифе, возникшем по ходу массовых убийств. Следует показать, что немцы, к какому политическому лагерю они ни принадлежат, добились хотя бы минимального консенсуса по вопросу о том, что произошло и какие уроки следует извлечь из этого прошлого»¹¹.

Но борьба вокруг экспозиции только начиналась. Петер Гаувайлер, руководитель городской организации Христианско-социального союза, потребовал прекратить «диффамацию мужественных солдат вермахта». Выставка именовалась при этом «неприемлемой», «клеветнической», «направленной против немецкого народа». Гаувайлер разослал жителям Мюнхена и окрестностей около 300 тысяч (!) стандартных писем, предлагавших бойкотировать выставку (что означало, напротив, ее бесплат-

¹⁰ Nürnberger Nachrichten. 19.II.1997.

¹¹ Süddeutsche Zeitung. 27.I.1997.

ную рекламу). Он подал в суд на Гера и его сотрудников, и дело было прекращено только летом 1997 г. Социал-демократическая фракция городского собрания указала в связи с этим на «неуместную праворадикальную тональность» христианско-социального политика, который «перешел границы политического и морального приличия»¹².

Газета «Bayernkurier», выражавшая позицию ХСС, назвала выставку «тенденциозной левой затеей» и «демагогической инсценировкой», обвинив ее инициаторов в попытках «оскорбить честь миллионов немцев» и начать «поход с целью уничтожения немецкого народа». Нюрнбергский процесс против главных военных преступников был при этом назван «карательной акцией против Германии»¹³. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» писала, что авторы экспозиции – при помощи «многочисленных преувеличений и искажений» – ставят своей целью доказательство тезиса о «монопольной вине» солдат, «всего лишь выполнявших свой долг»¹⁴. Баварское министерство культуры «не рекомендовало» учителям истории использовать на уроках материалы экспозиции¹⁵. Военнослужащим бундесвера было запрещено появляться на выставке в униформе¹⁶. Был опубликован призыв нескольких «традиционных союзов» бывших военнослужащих вермахта (в том числе объединения бывших горных стрелков) «восстать против выставки», «бойкотировать выставку», которая «стремится оклеветать мужественных солдат». Ее документы были стандартно названы «односторонними, недифференцированными, стремящимися нанести удар по достоинству нации»¹⁷.

В прессе продолжалась полемика. Популярная мюнхенская «Abendzeitung» писала: «Без германского вермахта не было бы Освенцима, Лидице и Орадура. Пока держался фронт, эсэсовские палачи могли зверствовать в тылу. Без германского вермахта не было бы 58 миллионов убитых. Военнослужащие вермахта грабили, убивали на этой грязной войне. Таковы исторические факты. Но в стране палачей и их пособников, в стране, где во времена фашизма многие молчали, трудно говорить о страшной правде – даже 50 лет спустя»¹⁸.

¹² Süddeutsche Zeitung. 19.II.1997.

¹³ Bayernkurier. 22.II.1997.

¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26.II.1997.

¹⁵ Süddeutsche Zeitung. 25.II.1997.

¹⁶ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 31.I.1997.

¹⁷ Münchner Merkur. 25.II.1997. См. также: *Latzel K.* Soldatenverbände gegen die Ausstellung «Vernichtungskrieg» – der Lange Schatten des letzten Wehrmachtberichts // *Der Krieg in der Nachkriegszeit.* 2000.

¹⁸ Abendzeitung München. 13.II.1997.

24 февраля состоялось официальное открытие выставки. Университетский зал был переполнен. Обербургомистр Мюнхена социал-демократ Кристиан Уде нашел нужные слова: «Когда 22 июня 1941 г. началась агрессия против Советского Союза, это не было “превентивным ударом” против “еврейского большевизма”. Не было и речи о том, чтобы там, за тысячи километров от границ Германии, осуществлялась защита родины или свободы немецких женщин и детей. Вермахт вел захватническую войну за “завоевание жизненного пространства”, войну на уничтожение “красных недочеловеков”. Так приказывал Гитлер, не встретивший никакой критики или сопротивления со стороны верховного командования вермахта»¹⁹.

Речь Яна Филиппа Реемтсмы была выступлением квалифицированного ученого-историка, приверженца исторической справедливости: «Война германского вермахта “на Востоке” не была войной одной армии против другой армии. Это была война против народа, одну часть которого – евреев – следовало уничтожить, а другую поработить. Преступления не были здесь каким-то исключением, именно они являлись лицом этой войны». И далее: самое главное и самое обидное для большинства немцев: «Преступления вермахта были по определению потенциальными преступлениями каждого солдата, преступлениями мужей, отцов, братьев и дедов». Реемтсма перебрал смысловый мост между прошлым и настоящим: «Война – это состояние общества. Выставка показывает германское общество таким, каким оно было 50 лет назад. Реакция на выставку отражает состояние нашего общества»²⁰.

Какой же была эта реакция? Начиная с 25 февраля, на Мариенплац с утра до вечера выстраивались очереди. Поступали заявки на экскурсии для школьных классов. Приходили солдаты и офицеры бундесвера в форме и в гражданской одежде. Люди ждали часами. Не так уж неправ был журналист одной из региональных газет, утверждавший, что значительная часть успеха выставки была достигнута «благодаря высказываниям Гаувайлера, благодаря акциям мюнхенской организации ХСС»²¹.

«Совершенно незнакомые друг с другом представители различных поколений, – отмечала “Süddeutsche Zeitung”, – вступают в общий разговор. Такого здесь еще не было»²². Живую зарисовку происходившего перед входом в ратушу оставила американская журналистка: «Каждый раз, когда приподымается крышка над котлом германской истории, стра-

¹⁹ Krieg ist ein Gesellschaftszustand. 1998. S. 127.

²⁰ Reemtsma. 2000. S. 382, 383, 390.

²¹ Donaukurier. 26.II.1997.

²² Süddeutsche Zeitung. 27.III.1997.

сти бьют ключом. Но иногда вода выходит за края котла. В толпе спорящих перед ратушей разъяренные люди 65 лет и старше – они были участниками войны. Я подошла к группе этих людей и попросила каждого в отдельности сказать, почему они выступают против выставки. Один из них посмотрел на меня, помолчал, и вдруг его прорвало. Это не была полемика с выставкой, но – истории об их отцах и братьях, о тяготах войны, о них самих. Истории, которые они давно уже хотели выплеснуть из себя»²³.

В субботу, 1 марта, баварская столица стала полем политического противостояния. В этот день была проведена общегерманская демонстрация неонацистов, протестовавших против выставки. Со всех концов ФРГ на полусотне автобусов с черными знаменами и плакатами прибыли скинхеды и им подобные. Их было более 5 тысяч, в 16 часов они собрались на Якобплац и начали движение к Новой ратуше. Однако на Мариенплац, защищая выставку, собралось около 8 тысяч ее сторонников, принадлежавших к разным политическим лагерям – от либералов до коммунистов. Прямое противостояние стало неизбежным. «Казалось, еще пять минут, и гражданская война с ее уличными сражениями была бы неизбежной»²⁴. Но полицейские (их было 2 тысячи), действуя умело и грамотно, остановили неонацистов на Хохбрюккенштрассе в полусотне метров от Мариенплац. 136 человек было задержано, скинхеды были оттеснены, обысканы, рассажены в автобусы и отправлены по домам²⁵.

Свидетели и участники событий этого бурного дня расценили их как безусловную победу в деле извлечения уроков из коричневого прошлого. Одна из сотрудниц городского управления культуры констатировала: «Мюнхен стал другим»²⁶. Но не только на площадях – в залах выставки, в умах и сердцах тысяч простых людей, происходили невидимые изменения, долговременные результаты которых сказываются и сегодня.

Объективным показателем сдвигов в общественном мнении служат записи в книгах отзывов, сделанные сразу после посещения экспозиции. Записи короткие, в одну строку, и пространные, подписанные и анонимные, рядом рука школьника и рука старика. Неостывшие страсти, продолжение споров, кипевших в зале. Моментальные снимки исторического сознания в его многообразии, противоречиях, в его движении. Человеческие документы, зримо свидетельствующие о предельной сложности процессов преодоления прошлого. Книги отзывов стали, ес-

²³ The Wall Street Journal Europe. 7.III.1997.

²⁴ Süddeutsche Zeitung. 3.III.1997.

²⁵ Abendzeitung München. 3.III.1997.

²⁶ Greiner. 1999. S. 40.

ли говорить словами Бориса Пастернака, «кубическим куском горячей, дымящейся совести»²⁷. Здесь были представлены все поколения, социальные слои и политические течения послевоенной Германии: от крупных чиновников до рабочих, от бывших активистов нацистской партии до освобожденных из концлагерей противников режима²⁸.

Большее половины записей принадлежало ветеранам вермахта, условно назовем их представителями «первого поколения» (годы рождения 1914–1926). Преобладали (и они сразу бросаются в глаза) тексты, проникнутые резким неприятием увиденного в выставочном зале: «Все это ложь, ничего такого не было»; «Через полвека после окончания войны организован крестовый поход против германского вермахта. Позор!»; «Выставку надо запретить!»; «Я никогда еще не видел такой неуравновешенной, грязной, леворадикальной выставки»; «Вы обвиняете весь народ, обвиняете всех немцев в преступлениях»; «Надо организовать выставку о том, какие страдания приносили немецкому гражданскому населению бомбардировки англичан и американцев»; «Я стыжусь того, в каком виде предстают на выставке солдаты бывшего вермахта. Прошлое надо оставить в покое».

Но рядом другая запись: «Мне стыдно, что есть люди с таким образом мыслей. Они просто страшатся диалога с прошлым. Если мы забудем обо всем, если мы оставим прошлое в покое, оно может повториться». Нередко участники войны выступали – поверх барьеров! – в поддержку правды, о которой говорила выставка: «Все здесь правильно» (подписано: «год рождения 1918»); «Я был солдатом на той страшной войне и могу только сказать спасибо за выставку. Надеюсь, молодые люди поймут, к каким преступлениям ведут расовая ненависть и вытекавшие из нее идеология и война»; «Я был там – и в наступлении, и в обороне: Одесса, Кавказ. Выставка очень хороша»; «Все показано правильно»; «Бывают в жизни такие минуты, когда остаешься один на один с прошлым. Нет слов!»; «Представь себе: тебе 17 лет, тебя отправили на фронт, и ты должен стрелять в противника. Но если ты откажешься, тебя ждет смерть. Я спрашиваю тебя, что бы ты делал на моем месте?»; «Подумайте над тем, что здесь написано»; «Пожалуйста, издайте часть этих записей как исторический источник». И записи, за которыми стоят бессонные ночи и муки совести: «Я воевал в 1939–1941 гг. 17 октября 1941 г. я отказался расстре-

²⁷ Пастернак. 1991. С. 367.

²⁸ Все записи в книге отзывов приводятся по: Bilanz einer Ausstellung... S. 207–249. Анализ эволюции исторического сознания трех послевоенных немецких поколений см.: Kohlstruck. 1997.

лять пленного советского комиссара. Я не преступник!»; «Нет, мой муж не был убийцей!». Трагическое несовпадение восприятия войны...

Зрители фильма «Неизвестный солдат» спрашивали Михаэля Верховена, встречал ли он в процессе работы хотя бы упоминания о тех, кто не выполнил приказ об убийстве мирных жителей, Верховен ответил, что слышал о таких, но среди ветеранов войны их не встречал. Один – лишь один – сказал режиссеру, что ему стыдно за своё прошлое, за участие в убийствах евреев. Это есть на экране. Он рассказал, как был поражен, увидев совершенно бесчеловечное обращение немцев с советскими военнопленными.

Через сотни записей в книге отзывов проступают четкие контуры драмы мужчин и женщин «второго поколения» (годы рождения 1941–1948): они не застали времена нацизма или были детьми в год окончания войны. Однако проблема вины и ответственности, соединенная с проблемой отношения отцов и детей, отдавалась тревогой и болью: «Я боюсь узнать на фотографии своего отца»; «Я все время боялась найти на снимках лицо моего отца»; «Для меня всегда было проблемой то, что мой отец был на войне. Стал добровольцем в 17 лет, служил в СС, потом 5 лет русского плена. Для меня он всегда был любимым отцом. Но что творилось там? Он говорил мне, что не участвовал в расстрелах евреев. Но что было в Харькове? С ним уже не поговоришь, он умер, когда ему было 60. Он был сломленным человеком: жертвой или преступником?». Ответ был невозможен. Оставалось только сожалеть об отсутствии диалога между поколениями: «Надо было задавать больше вопросов нашим отцам»; «Тот, кто молчит, виновен. Деды и отцы, говорите, хотя бы теперь, пока еще не поздно, пока все это не забылось»; «Все это нельзя описать словами»; «Я не смог досмотреть до конца, я должен был уйти. Достаточно...»; «На каком же зыбком льду мы находимся!».

Слова дочери бывшего узника концлагеря: «Выставка должна стать предупреждением для будущего. Никогда, никогда больше!». Многократно повторенная решимость извлечь уроки из трагедии “третьего рейха”: «Ужасно. Теперь я знаю, почему многие люди против выставки. Я надеюсь, что все это никогда не повторится»; «Я думаю, что и пять десятилетий спустя не извлечены уроки из периода национал-социализма и что эта тема остается конфликтной сегодня». Вывод Ханнеса Геера – от имени «второго» поколения: «Неверно и опасно утверждать, что война на уничтожение является проблемой наших дедов и отцов. Это – наша проблема»²⁹.

²⁹ Die Wehrmachtausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. 19997. S. 91.

Представители «третьего» и «четвертого» поколений «дети экономического чуда», родившиеся в Федеративной Республике и не знавшие войны и лишений... Способны ли они воспринять мучения других людей – русских, евреев, немцев? О такой способности свидетельствуют многие и многие записи: «Я хочу знать всю правду. Для меня важны причины событий. Спасибо за выставку»; «Спасибо! Эта выставка дала мне больше, чем 5 лет обучения в школе»; «Мне 19 лет. Как член ХСС, я дистанцируюсь от высказываний г-на Гаувайлера»; «Я родился в 1956-м, но мне стыдно»; «Все представляется ужасным, но хорошо, что это показано. Потому, что многие люди пробуждаются»; «Выставку должен видеть каждый. Каждый!»; «Все, кто оправдывает эти преступления, завтра может совершить их снова. В будущем я буду еще решительнее выступать против таких оправданий»; «Не думаю, что мы лучше наших предшественников. Но мы можем меняться к лучшему. Учитесь у прошлого»; «Наши ноги в крови прошлого, но в наших руках будущее».

Многих мучили сомнения: «А что мы бы делали? Не участвовали бы? Сказали бы “хватит!”? Я надеюсь на это!»; «Как офицер бундесвера, я снова спрашиваю себя: исполнял бы я такие приказы?»; «Как поступили бы мы на месте солдат вермахта? Отказались бы мы выполнять приказы?»; «Но как придти в себя? Как оправдаться? У меня нет слов». Об этом размышления прозорливой Х. Арендт: «Косвенная ответственность за поступки, которые мы не совершали, готовность принять на себя деяния, в которых нет никакой нашей вины. Такова цена, которую мы платим за то, что в течение всей жизни мы не одни, но рядом с другими»³⁰.

Сознание молодых немцев оставалось противоречивым: «Я считаю, прошлое надо оставить в покое и смотреть в будущее. Ведь мы живем теперь, а не в 1941-м. Почему мы должны стыдиться того, что произошло за десятилетия до того, как мы родились?». На той же странице: «Спасибо за выставку. Она очень важна для нас, для молодежи. Извлекать уроки из прошлого и тогда, когда мы не виновны». Слова, написанные школьником, неустоявшимся почерком: «Выставка не дала мне ничего». И ниже: «Тот, кого выставка ничему не научила, просто дурак».

Многие благодарные посетители прямо обращались к сотрудникам института социальных исследований: «Прекрасно, что, хоть и поздно, но вы обрели мужество, необходимое для организации выставки. Лучше поздно, чем никогда»; «Спасибо всем, кто помог все это организовать»; «Как хорошо, что вы решились на эту экспозицию. Должны ли мы благодарить вас?»; «Выставка распахнула двери. Наконец-то об этом гово-

³⁰ Цит. по: Greiner. 1999. S. 41.

рят среди всех слоев населения»; «Я надеюсь, что выставка перевернет нутро многим людям, и в их глазах выступят следы ужаса и стыда»; «Из этой правды нужно извлекать уроки – для того, чтобы не оказаться там, где мы уже были»; «Выставка должна стать предостережением для будущих поколений». Под впечатлением увиденного и прочувствованного немало людей делилось своими суждениями об извлеченных ими уроках на будущее: «Мы должны гордиться: наконец-то, мы смогли приступить к тому, чтобы по-настоящему начать извлекать уроки из прошлого»; «Об этом нельзя забывать никогда»; «Тот, кто называет выставку односторонней, тот хром на одну ногу. На правую». Через каждые несколько страниц книги отзывов – вопросы, обращенные к себе и своим согражданам: «Нельзя уйти от постыдного прошлого. Нередко правда бывает жестокой, ужасной и несправедливой. И поэтому ее нужно игнорировать и отказаться от полемики?»; «Что мы должны делать для того, чтобы прошлое не повторилось? Как воспитывать молодежь?». Вопросы, ставшие прямым продолжением споров, вопросы, оставшиеся без ответа...

Аналогичные мысли и чувства были выражены в письмах, адресованных организаторам выставки. Перед нами послание одной из жительниц Баварии: «Когда я посетила выставку в Мюнхене, на одной из фотографий я узнала своего отца. После того, как дома я просмотрела другие военные снимки отца, я еще раз пришла на выставку, взяв с собой лупу. Теперь я убеждена, что это он, на фотографии у виселицы в Велиже, близ Смоленска... Вы, конечно же, можете представить, каково было дочери, которая сделала такое открытие. Это очень тяжело. Поэтому я хочу попытаться точно узнать, точно ли изображен на снимке мой отец... Я была бы Вам очень благодарна, если Вы сообщили мне точную информацию об этом снимке»³¹.

Та же большая память в письмах ветеранов германской армии: «Как бывший солдат, который был насильственно призван в вермахт, я мог бы рекомендовать каждому гражданину осмотреть эту выставку. Я могу поручиться, что действительность была еще ужаснее, чем это показано на выставке»; «Солдаты вермахта в той же мере, что я, совиновны в совершенных злодеяниях». Тяжкие мысли дочери бывшего солдата: «Я все еще во власти ужасных снимков, и я просто не могу представить, как люди способны совершать такие преступления... Теперь я понимаю, почему моего отца до конца его дней мучили кошмары». Письма представителей молодого поколения: «Один мой дед был в Сталинграде,

³¹ Heer. 1999. S. 295.

другой был голландцем по национальности, и немецкие солдаты отобрали у него его имущество. Я, таким образом, одновременно и внук преступника, и внук жертвы. Фотографии на выставке правдивы. Виселицы, выстрелы в висок, расстрелы...»; «Как бы действовал я, как бы действовали Вы? Этому никто не знает... Большое спасибо за действительно удавшуюся выставку. теперь можно ближе познакомиться с событиями Второй мировой войны. Здесь играют роль факты, а не эмоции». Послание, в котором запечатлелась неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего: «Некоторые думают, что еще не пришло время обо всем говорить открыто. Но наш современный опыт требует быть бдительными. Злые духи – это не только прошлое»³².

Перед нами пространство боли, поиска и сомнений. Человеческие документы, подобные, по словам мюнхенского журналиста Хериберта Прантля, «увеличительному стеклом, при помощи которого можно разглядеть, в каком состоянии находится германское общество»³³. Как предвидел Клаус Науман, один из инициаторов создания выставки, она стала «психограммой коллективной интерпретации прошлого», помогла понять факторы, приведшие к стабильности «мифа о неполитическом вермахте», к формированию в западногерманском обществе устойчивой «шкалы стереотипов» – «от утверждений о бессилии вермахта и превращении его в жертву режима до трактовки его действий как “оборонительной битвы” на Востоке»³⁴.

Дискуссии, проходившие в баварской столице, стали событием общегерманской значимости. 13 марта и 24 апреля 1997 г. в бундестаге ФРГ по инициативе фракции ХДС/ХСС проходили дебаты, посвященные экспозиции «Война на уничтожение». Известный лидер ХДС Альфред Дрегер призывал открыть фронт против организаторов выставки, которые, по его утверждениям, «говорят неправду», «занимаются подстрекательством и клеветой». Однако Дрегер встретил отпор со стороны депутатов других фракций. Граф Отто Ламбсдорф (Свободная демократическая партия) признал, хотя и не без оговорок: «Выставка необходима, и хорошо, что она существует».

Социал-демократ Отто Шили отметил, что дебаты о выставке представляют лишь «часть процесса извлечения уроков из истории, процесса, который будут продолжаться и в течение следующих десятилетий». Говоря о критиках экспозиции, депутат указал на их «нежелание

³² Тексты писем приводятся по: *Bilanz einer Ausstellung...* S. 251–267; См. также: *Vorr.* 1999. S. 203–204.

³³ *Wehrmachtsverbrechen...* S. 233.

³⁴ *Naumann.* 1992. Н. 5. S. 130–136.

или неспособность воспринять историческую правду о злодеяниях нацистской диктатуры». Фраймут Дуве, коллега Шили по фракции СДПГ, констатировал: «Эта война не отпускает никого из нас: и тех, кто воевал или был тогда ребенком, и тех, кто родился уже после войны».

Совершенно необычным для практики парламентских дебатов было то, что представители всех фракций – от христианских демократов до членов Партии демократического социализма – говорили о своих судьбах, о своих семейных историях, о личном восприятии экспозиции. Стало ясно, что документы и выводы выставки касаются каждого немца, каких бы политических взглядов он ни придерживался. Депутат Вальтер Кольбов (СДПГ) указал: «Выставка – это не обвинительный приговор, это основание для того, чтобы мы сами извлекали уроки из собственной истории». Настрой прений оказался таким, что приглашенный на заседание бундестага министр обороны Фолькер Рюэ (ХДС) счел должным недвусмысленно заявить: «Вермахт был армией диктатуры, инструментом Гитлера для проведения преступной, агрессивной войны». Да и Дреггер в конце обсуждения заметно смягчил тон и вынужден был выразить готовность идти на компромиссы³⁵.

Но иллюзия общего согласия с главной идеей выставки просуществовала недолго. В октябре 1999 г. журналы «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (орган Института современной истории) и «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht» (орган Союза германских историков) одновременно напечатали сообщения Б. Музяля (Польша) и К. Унгвари (Венгрия). В обеих публикациях достаточно убедительно отвергалась атрибуция нескольких представленных на выставке фотодокументов. Утверждения Музяля и Унгвари коснулись незначительного числа экспонированных фотографий (20 из 1 433, то есть 1,39 % видеоряда). Немецкая пресса разных направлений и прежде – справедливо или несправедливо – указывала на определенные неточности в деталях экспозиции «Война на уничтожение». Ошибки время от времени исправлялись: проблематичные снимки изымались, менялись подписи под документами. Но на сей раз все обстояло иначе. Началась хорошо скоординированная (и наверняка хорошо оплаченная) атака против основной концепции выставки. Не успела высохнуть типографская краска на страницах малотиражных, предназначенных для специалистов журналов, как консервативные газеты и еженедельники выступили (под аршинными заголовками на первых полосах!) с сенсационными утверждениями о сознательных фальсификациях прошлого, будто бы

³⁵ Стенограмму дебатов см.: Die Wehrmachtsausstellung... S. 170–219.

предпринятых сотрудниками Института социальных исследований, о преднамеренном очернении рядовых солдат вермахта. Группа депутатов бундестага от Христианско-социального союза обратилась к министру иностранных дел ФРГ с требованием не допустить запланированного показа выставки в США, дабы «всеми средствами» воспрепятствовать распространению за границей тенденциозного «образа Германии»³⁶.

Спор, таким образом, вышел за рамки обсуждения проблемы аутентичности отдельных фрагментов экспозиции. За критикой видеоряда скрывалось намерение переписать историю войны и, если не уйти от ответственности за преступления режима, то, во всяком случае, преуменьшить степень этой ответственности. По мнению американского историка Омера Бартова, атака против выставки стала выражением активности «новой разновидности немецкого национализма, представленного не только в рядах консерваторов, но и среди либералов и людей, принадлежащих к левому политическому спектру». В ФРГ, полагал ученый, «вновь начинает действовать машина самооправдания», а сторонники (хотя бы частичной) реабилитации вермахта стремятся «придать новый глянец аргументам, взятым напрокат из арсенала 1950-х годов»³⁷.

4 ноября 1999 г. на созванной в Гамбурге пресс-конференции профессор Реемтсма объявил о временном прекращении работы выставки. Ее руководители предпочли закрыть экспозицию, нежели выслушивать упреки в фальсификации исторических источников. «Критика выставки, – констатировал директор Института социальных исследований, – не затрагивает ее концепции, однако (если оставить экспозицию без изменений) возникнет опасность того, что под сомнением окажутся ее основные установки. Необходимо восстановить поколебленное доверие»³⁸. Реемтсма выражал надежду, что в течение трех месяцев будет подготовлена новая экспозиция, которая по-прежнему «вовсе не будет нравиться всем критикам и станет предметом новых дискуссий»³⁹. По поручению Института социальных исследований в течение двух лет (но не трех месяцев) над новой версией экспозиции работала группа авторитетных ученых. Координатором проекта стала Ульрика Юрайт, имевшая значительный опыт выставочной деятельности в антифашистских мемориальных центрах.

Торжественное открытие обновленной документальной выставки состоялось 28 ноября 2001 г. в германской столице, в зале театра Бер-

³⁶ Die Welt. 4.XI.1999.

³⁷ Die Welt. 3.XII.1999.

³⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 6.XI.1999.

³⁹ Die Welt. 6.XI.1999.

тольта Брехта «Берлинский ансамбль», что свидетельствовало об органической взаимосвязи нового проекта с антимилитаристскими традициями. Вступительную речь произнес Ганс Моммзен, который отметил, что экспозиция лишена агитационного характера, основана на достижениях современной науки, на введении в оборот новых источников. Неопровержимые факты о злодеяниях вермахта на оккупированных территориях СССР приобретают, подчеркнул Моммзен, особую значимость в современной международной обстановке. Выставка в ее новой версии действовала с ноября 2001 г. по март 2004 г. и была показана в 11 немецких городах. Экспозицию посетили более 400 тысяч человек.

Выдающийся писатель и правовед Бернхард Шлинк убежден: «Обращение к прошлому – независимо от того, насколько большую или малую роль оно играло и продолжает играть в нашей работе, – сделалось составной частью нашего самоощущения, наших внешних проявлений»⁴⁰. Немцы вновь оказались лицом к лицу с нежелательными и как будто давным-давно решенными «проклятыми» вопросами – о национальной вине и национальной ответственности за чудовищные деяния гитлеровцев. Выставка стала неотъемлемой частью духовной жизни ФРГ конца XX и начала XXI века.

Решающий прогресс в деле осмысления наследия «третьего рейха» был достигнут в пограничной зоне между историческим знанием и общественным сознанием. Именно в этом пространстве разворачивались дискуссии, далеко выходявшие за стены академического и университетского цехов, будоражившие общество, прямо влиявшие на направленность и характер исторических исследований, на их новую оптику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. М.,: Художественная литература, 1991.
- Abendzeitung München. 13.II.1997; 3.III.1997.
- Badische Zeitung. 11.III.1997.
- Bayernkurier. 22.II.1997.
- Besucher einer Ausstellung. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Interview und Gespräch. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». München: Knaur, 1998.
- Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Budrich + Leske, 2000.
- Der unbekannte Soldat. Was hast du im Krieg gemacht? Ein Film von Michael Verhoven. Eine Sentana Film Produktion. 2006.

⁴⁰ Schlink. 2001. S. 82.

- Der Vernichtungskrieg im Osten – Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker. Kassel: Kassel University Press, 1999.
- Die Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung Vernichtungskrieg. Verbrechen «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1999.
- Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München: Oldenbourg, 1999.
- Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997.
- Die Welt. 3.XII.1999; 4.XI.1999; 6.XI.1999.
- Die Zeit. 22.01.2004.
- Donaukurier. 26.II.1997.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung. 31.I.1997; 26.II.1997; 6.XI.1999.
- Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: Beck, 1996.
- Heer H. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront Hamburg: Hamburger Edition, 1999.
- Jeismann M. Einführung in die neue Weltbrutalität. Zweimal «Verbrechen der Wehrmacht»: von der alten zur neuen Bundesrepublik // Zeitgeschichte als Streitgeschichte.
- Kohlstruck M. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. Berlin: Metropol, 1997.
- Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Latzel K. Soldatenverbände gegen die Ausstellung «Vernichtungskrieg» – der Lange Schatten des letzten Wehrmachtsberichts // Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik. Opladen: Budrich + Leske, 2000.
- Münchner Merkur. 25.II.1997.
- Naumann K. Wehrmacht und NS-Verbrechen // Mittelweg 36. 1992. H. 5.
- Nürnberger Nachrichten. 19.II.1997.
- Reemtsma J. Ph. Mord am Strand. Allianzen von Zivilisation und Barbarei. Berlin: Siedler, 2000.
- Shlink B. Auf dem Eis. Von der Notwendigkeit und der Gefahr der Beschäftigung mit dem Dritten Reich und dem Holocaust // Der Spiegel. 2001.
- Süddeutsche Zeitung. 27.I.1997; 19.II.1997; 25.II.1997; 3.III.1997; 27.III.1997.
- The Wall Street Journal Europe. 7.III.1997.
- Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. München: Beck, 2005.
- Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1999.
- Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945. München: Beck, 2003.

Борозняк Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета; bor-33@mail.ru